

УДК 1:3+930.1

***ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАПАДНЫЕ
ПАРАДИГМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ***

Симашенков П.Д.

к.и.н.,

Самарский университет государственного управления «МИР»,

Самара, Россия

Аннотация. В статье обозначена проблема исследования исторического времени в ракурсе эстетики и социальной этики. Суть истории, по мнению автора, не столько в ретроспекции или рефлексии, сколько в разрыве между чувством и осознанием. Автор анализирует историософские взгляды отечественных и зарубежных мыслителей и приходит к выводу об истинности советской парадигмы, где единый вектор человеческого развития — освобождение труда во имя сотворения светлого будущего ради всех и для каждого.

Ключевые слова: история России, русская философия, религиозная философия, социальная этика, философия истории.

***RUSSIAN AND WESTERN
PARADIGMS OF HISTORICAL THINKING***

Simashenkov P.D.

PhD,

Samara “IMI” University,

Samara, Russia

Annotation. The article highlights the problem of studying historical time in terms of aesthetics and social ethics. The essence of history, according to the author, is not so much in retrospection or reflection, but in the gap between feeling and awareness. Author analyzes the historiosophical views of domestic and foreign scholars and comes to the conclusion that the Soviet paradigm is true, where the only vector of human development is the liberation of labor in the name of creating a bright future for the sake of all people and for everyone.

Key words: Russian history, Russian philosophy, religious philosophy, social ethics, philosophy of history.

История начинается тогда, когда мы превосходим происшедшее, оценивая и тем самым осознавая его, ведь даже рассказывая кому-то историю, человек преображает её собственной манерой повествования. Следовательно, объективный историзм невозможен вовсе, а субъективизм историков скрашивается наличием у них мировоззрения, совести и таланта. Еще с летописных времен на Руси поражения описывались детальнее побед – вероятно, как назидание в том, что должно превзойти и что не должно повториться. Выходит, история и время бытуют дотолле, покуда люди не ведают, что творят. По версии М. Погодина, “чем больше будет развиваться человечество, тем деяния его будут яснее... и, наконец, История будет само настоящее время, т.е. человек будет вместе и действовать и знать свои действия, или, лучше, уже не будет Истории” [2]. Суть ее, стало быть, не столько в ретроспекции или рефлексии, сколько в синкопе, разрыве между метром и ритмом, чувством и осознанием, между мыслью и действием (вот почему, наверно, в старину историка-хрониста называли дееписателем).

Ныне как никогда актуально тютчевское “в Россию можно только верить”. Два поколения оболваненных антисоветскими пропагандистами – полностью

дезориентированы и выдрессированы в атмосфере забвения родной истории и презрения к русской культуре. Апеллировать к документальным источникам в качестве истин первой инстанции поздно и бесполезно, на фоне избытия информации частное запросто можно выдать за общее. Рациональные аргументы в клиповом нано-сознании молодежи перемешиваются с обрывками мемов, цитат шоу-социологов, фолк-историков, политфриков и прочих популистов и пустосвятов. Вывод и выход один: взять за основу парадигму, основанную на общечеловеческих ценностях – созданную в СССР. И верить в советское видение хода истории мировой и отечественной. Марксистская база вере не помеха, скорее наоборот. Сознательно исповедуя идеалы коммунизма, можно осознанно развивать науку, и отнюдь не только с позиций детерминизма (им, к слову, в гораздо большей степени грешат буржуазные теории).

В перестройку людей выманили из русского мира посулами гласности и открытости. Но русский мир никогда не был закрытым, поскольку всегда был внутренним! Он цельный – вот чего ему не могли простить. И как обретение сокровищ внутреннего, духовного мира делает внешние связи второстепенными, так и развитие культуры формирует самодостаточность. Важно подчеркнуть: изолированность и самодостаточность – не одно и то же. Православный по самой природе своей, русский (и советский, конечно же) мир не ведал “внешнего”, поэтому и закон сохранения в нем действовал особенно: щедро растрачиваемая русскими энергия прилежно присваивалась и сохранялась сметливыми, “туго знающими жизнь” соседями.

Пока западные исследователи преуспевали в вопросах познаваемости мира (на деле – познаваемости посредством умозрительного схемопостроения), отечественные мыслители увлекались опознаваемостью Совершенства в проявлениях человеческого бытия. А это категория провиденциальная.

Эстетизация временного – национальная черта и особая форма нашего исторического мышления.

Камень преткновения в дискурсе русской истории – история европейская, которую почему-то берут за эталон просто благодаря ее наличию. Для дифференциальной диагностики такое сгодится, но для осознания миссии и поиска Пути – вряд ли. То, что отечественная культура с удивительной быстротой впитывает зарубежный опыт, доказывает лишь пользовательскую ориентированность последнего, его приспособленческий вектор. Разумеется, технологические изыски это неплохо, но они – всего лишь оптимизация разных аспектов жизни в плоскости ее удобства, тогда как вопросы перспектив (а значит – и смысла) оставляются без должного внимания. Припомним строки Ю. Ряшенцева: бездорожье одолеть не штука, а вот как дорогу одолеть?

Говоря о перспективах и преемственности, отметим: избыток деятельности одного поколения гармонизировался избытком чувств последующего, которое идеализировало незатейливость практики предшественников, преобразуя ее в пафос созидания. В России амплитуда этого аффективно-эффективного маятника бывала столь велика, что отечественный вариант можно было характеризовать чуть ли не как биполярное расстройство истории [3]. От подобного диагноза ее спасала удивительная цельность натуры русских людей. Периоды державной стабильности порождали аффектированную внутреннюю эмиграцию, в то время как героические моменты являли на свет суровых “практиков”. Самые трогательные легенды пишутся в тиши застоя, самые героические – в глуши безвременья.

Государство всегда пыталось идти в ногу с веком (таков крест суверенитета – ориентироваться на внешние вызовы и симптомы), потому-то фатально запаздывало в преобразованиях. А вот интеллигенции суждено быть либо

отчаянно передовой, либо безнадежно старомодной (что, собственно, одно и то же), оттого ее время так или иначе наступает. Нам представляется, что ключ к пониманию русского “исторического чувства” – в этой рассинхронизации, происходящей от идиосинкразии, непереносимости власти: бронзовеющая стагнация стимулировала желание осмыслить свое место в не-своем мире. Наоборот, реформы способствовали накоплению и усвоению знаний, менее всего располагая к рефлексии и сантиментам (скорее – к критике реформаторов).

Однако, наскоро приторочив к русской культуре политическую подоплеку, мы рискуем ничего не понять. Собственно политика здесь мало кого волновала, зато вечно болезненной была проблема социальной этики (этики власти – в первую очередь). Конечно, история России во многом определяется историей ее государственности. Хотя бы потому, что весь цвет отечественной культуры – сплошь обличители правящего режима. И именно те, кто на государство возлагал особые надежды; кто верил, что правильная власть приведет людей в царство справедливости.

Первенство принадлежит тому, кто бежит скорее, кто, скинув с себя все ненужное бремя, даже самую одежду, налегке пускается в путь и перегоняет соперников, утверждал Б. Чичерин [4]. Это очень метко – о буржуазно-позитивистской модели прогресса, скинувшего с себя ненужные моральные и культурные принципы и сгинувшего в им же созданном супермаркете технологий счастья. В России философия развивалась преимущественно как искусство, а не наука, ибо жила скорее талантом, нежели методом – “как направление, освобождающее русскую мысль от духовного рабства” (слова И. Аксакова [1]). С данной точки зрения едва ли верно рассуждать об отечественных универсально-философских конструктах – разрабатывались преимущественно проблемы историософские (А. Хомяков, П. Лавров, Л. Карсавин), социально-этические (А.

Радищев, Н. Бердяев, бр. Аксаковы,) и эстетические (Вл. Соловьев, К. Леонтьев, А. Лосев). Впрочем, вопросы эти никогда не воспринимались частными, отличительная черта русского мирозерцания – стремление к целостности (как у К. Бальмонта: мир должен быть оправдан весь, чтоб можно было жить). Социальная этика волнует людей с нравственным стержнем, в политику же ползут существа морально беспозвоночные. Разного рода стеснения в сфере общественной деятельности прекрасно способствуют культурному и духовному росту думающих личностей, не опуская их до масти публичных людей.

История пишет свой автопортрет людьми, словно красками. И вот чудо: в целом картина похожа на каждого из нас. В храме души – свой, особенный, личный иконостас. Но коль скоро личности образуют общество, то в таких храмах будут образа (в большинстве своем) тех же святых – совести нации. Однако сие не означает, что лики всех икон станут изображать стандартно. Канон и шаблон – вещи несовместные, и незыблемость догмы в России обеспечивается ее красотой (как, например, неслиянность и нераздельность). Русское мышление это умозрение в красках (термин Е. Трубецкого), но не в абстракциях, ведь абстракция – не более чем обнаженка конкретики. Тем и привлекательна для незрелых умов, как всем незрелым – всякая обнаженка. Красота же Истины в образе, а не в формуле. Мы полагаем, что специфика отечественной философии – в масштабе личности мыслителей, выстрадавших свои взгляды.

Библиографический список

1. Аксаков И.С. Собрание сочинений. – М., 1886. – 846 с.
2. Погодин М.П. Сочинения: [В 5-ти т.]. – М.: Синод. тип., 1872-1876.
3. Симашенков П.Д. О преемственности в политической истории России // Культура и образование: от теории к практике. 2015. Т. 1. № 1. – С. 27-31
4. Чичерин Б.Н. Философия права. Избранные сочинения. – М., 2016. – 408с.

Оригинальность 75%